

Катков Михаил Никифорович

**Очерки древнейшего периода
греческой философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Никифорович К.**
Очерки древнейшего периода греческой философии / Катков Михаил Никифорович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 158 с.

ISBN 978-5-519-88648-2

ISBN 978-5-519-88648-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нечно, согласится, что нашей науки физики не было и не могло быть у Грековъ, не только старинныхъ, но и позднѣйшихъ. Но какъ не подумать, что древняя физика все же принадлежитъ къ одному роду съ нашею спеціальною наукою физикою и есть не что иное, какъ ея младенческое состояніе? Кто не смѣлся надъ — этою древнею младенческою физикою Грековъ, не смѣлся съ презрительнымъ сожалѣніемъ, отъ всей души, твердо знающей свой курсъ физики? Итакъ не будетъ излишнимъ заранее устранить всякія сравненія архаической физики Грековъ съ наукою, носящею спеціально это имя въ наше время.

Не только физика или какая-либо другая частная наука, но и вообще вся сфера познающей дѣятельности въ наше время представляетъ собою область, со всѣхъ сторонъ опредѣленную, посреди другихъ не менѣе рѣзко обозначенныхъ областей человеческого міра. Тысячекратно въ долгой, богатой событіями борьбѣ опредѣлялись и выражались отношенія познанія, какъ дѣйствительной силы, ко всему, что такъ или иначе отъ нея отлично и покорно своимъ собственнымъ тяготѣніямъ и законамъ. Какъ совнѣ, такъ равно и внутри область знанія выразилась и выражается въ самой рѣшительной спецификаціи. Все въ ней до безконечности обособляется. Каждая часть въ каждой отдѣльной сферѣ познанія хочетъ имѣть свой центръ, приобрести самостоятельность и завладѣть сколько можно большимъ количествомъ умственныхъ силъ, нередко даже забывая свои отношенія къ ближайшему цѣлому. Не видимъ ли мы ученыхъ, которые, занимаясь какою-либо частію, судятъ обо всемъ съ особенной точки зрѣнія, условленной ихъ спеціальностью, и смотрятъ на всѣхъ прочихъ, какъ на чужихъ, говорящихъ непонятнымъ языкомъ?

Ничего подобнаго не было и не могло быть, когда на іонійскомъ или дорійскомъ нарѣчій впервые начало высказываться человеческое мышленіе. Здѣсь, въ этой физиологіи архаической Греціи, видимъ мы лишь общее, родовое проявленіе мысли, безразличную силу логического сознанія. Въ ней нѣтъ никакихъ явственныхъ обособленій. Она представляетъ собою только матеріальную возможность всего будущаго великаго обособленія и разнообразія. Эта первоначальная древняя мысль носить, какъ мать въ своей утробѣ, *λόγους ἐμπεριεχούσας* будущихъ рожденій, которыя мало-по-малу выделяются въ движеніи вѣковъ и только въ наше время вышли или выходятъ окончательно на свѣтъ.

Итакъ, разсматривая въ микроскопъ эту древнѣйшую эпоху логическаго сознанія, мы, конечно, можемъ открыть въ ней зародыши направленій, въ которыхъ выразилась познающая дѣятельность человѣка, но именно только зародыши. Во всякомъ развитіи есть безконечная разница между тѣмъ, что существуетъ просто, и тѣмъ, что существуетъ, со всѣхъ сторонъ выразивши и подтвердивши свою натуру, что полагается *qua tale*. А потому нелѣпо вносить въ тотъ отдаленный міръ мышленія различныя спецификаціи, свойственныя лишь нашему времени. Напримѣръ, въ наше время ведется тяжба между философіею и другими науками, между умозрѣніемъ и эмпиріею, разумомъ и опытомъ, и т. д. Со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія дѣло тысячекратно рѣшалось, и противоположныя направленія при всей смутности и сбивчивости понятій, которыя господствуютъ объ нихъ въ наше время, выразились по крайней мѣрѣ, какъ фактъ. Этого факта еще не было въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь. Всѣ направленія, всѣ роды мышленія находятся здѣсь въ первомъ непосредственномъ синтезѣ, въ этой первой философіи, гдѣ собственно философское еще не пришло къ своему самосознанію и не успѣло отличить себя отъ всего нефилософскаго. Но не смотря на это неразличіе, на эту адіакризію философскаго и нефилософскаго, все же древняя физика должна быть разсматриваема, какъ философія, изучаема и рудима съ философскою точки зрѣнія.

Итакъ, первое понятіе, открывающее исторію философіи, есть понятіе природы. Греческое *φύσις*, отъ глагола *φύειν*, родственнаго этимологически съ нашимъ бы-ть, собственно означаетъ процессъ происхожденія и почти равносильно слову *γένεσις*. Философское мышленіе впервые сказалось въ этомъ представленіи процесса природы, и философія природы была первою философіею.

Однакоже отчасти прежде и отчасти рядомъ съ физіологіею существовалъ особый родъ мышленія, который Греки называли *еоологіею*.

Греческая *еоологія* съ одной стороны примыкала къ *миеологін*, съ другой къ философіи, и потому является съ различнымъ характеромъ. Впервыхъ, *еоологія* была внутреннею и собственно религіозною стороною *миеологическаго* сознанія. Здѣсь она совпадала съ мистеріями. — Элевсинскія мистеріи суть по преимуществу гелленскія и притомъ обще-гелленскія; всѣ прочія имѣли либо

мѣстное и частное значеніе, либо были остатками еракійской и восточной формациі, которая отошла за черту чистаго гелленства. Гелленскія мистеріи не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что у насъ обыкновенно ходитъ подъ именемъ мистицизма. Цѣлый народъ былъ въ нихъ участникомъ. Всякій Гелленъ съ незапятнанною честью и примиренною совѣстью въ нихъ допускался. Религіозная гелленская жизнь выразилась въ двухъ главныхъ видахъ: въ олимпійскихъ агонахъ и элевсинскихъ эпоптiяхъ, и Элевсинъ относится къ Олимпіи, какъ внутреннее къ внѣшнему, какъ душа къ тѣлу. И въ томъ, и въ другомъ Грекъ оставался вѣренъ своему духу. Прежде обыкновенно думали, что въ мистеріяхъ преподавалось какое-либо тайное ученіе. Множество было догадокъ о содержаніи этого предполагаемаго ученія. Но нынѣ болѣе глубокое пониманіе дѣла и тщательное критическое изученіе относящихся сюда фактовъ устраняютъ всѣ эти предположенія и догадки ¹. На это явленіе должно смотрѣть совсѣмъ съ иной точки зрѣнія, и категорія ученія, преподаванія и т. п. здѣсь совершенно неумѣстна. Главная сила мистерій состояла въ вѣрѣ эпоптовъ, что здѣсь они приходятъ въ реальное соотношеніе со всеобщими началами жизни и смерти. Въ складѣ и ходѣ мистагогическихъ обрядовъ безъ сомнѣнія выражался смыслъ, но этотъ смыслъ не былъ вложенъ сюда изъ какой либо доктрины, существовавшей предварительно въ формѣ понятій; напротивъ онъ *implicite* заключался въ самихъ представленіяхъ, открывавшихся передъ эпоптами, и въ повѣствовательныхъ сказаніяхъ, соединенныхъ съ этими представленіями. Всякій по мѣрѣ своего разумѣнія могъ самъ толковать мистагогическія драмы, какъ умѣлъ; но всѣ сходились въ одномъ чувствѣ того энтузіасма, безъ котораго жизнь не имѣла цѣны для Геллена ².

¹ См. Лобекъ *Aglaophamus s. de theologiae mysticae Graecorum causis libri III. Regiom. 1829.* Мы не можемъ распространяться здѣсь о мистеріяхъ: этотъ предметъ требуетъ особаго плана.

² «Жизнь для Гелленовъ будетъ невыносима (*ἀβίωτον... τὸν βίον*), если отнянутся у нихъ священныя мистеріи, связующія человѣчскій родъ» — слова проконсула Претекстата у Зосимы IV. 3. «Много прекраснаго произвели Аѳины, но прекраснѣе всего эти мистеріи, возвысившія насъ до истинной человѣчности». Цицеронъ *de Legib.* II, 14. — Приведемъ еще мѣсто изъ Страбона, X, 3. «Празднованіе освобождаетъ духъ отъ человѣческихъ заботъ и обращаетъ разумъ къ божественному. Въ энтузіасмѣ есть какое-то божественное вдохновеніе.... Таинственный характеръ священнодѣйствій возвышаетъ благоговѣніе къ божественному, соотвѣтствуя его природѣ, уходящей отъ нашихъ

Теологическое мышленіе возводилось обыкновенно (особенно въ позднѣйшее время) къ далекой мифической личности Орфея. Такъ называемые теологи и орфики часто значили одно и тоже. Нѣтъ сомнѣній, что имя Орфея означаетъ идею, а не лице. Онъ является въ различныя времена съ различнымъ характеромъ и духомъ. Его первоначальная родина — Эракія, не столько какъ извѣстная географическая мѣстность, сколько какъ историческій моментъ. Съ образованіемъ чистаго гелленства Эракія отодвигалась все далѣе и далѣе, и наконецъ осталась забытою на сѣверѣ. Орфей явился прежде всего выразителемъ этого эракійскаго сознанія, нѣсколько похожаго на индійское, печальнаго, аскетическаго, видящаго въ тѣлѣ гробъ души и встрѣчающаго съ плачемъ рожденіе человѣка ¹.

Эракійскій Орфей былъ противникомъ Діониса и за то былъ растерзанъ сопутницами бога, бессаридами. Но когда идея Діониса изъ дикаго изступленія вакханалій перешла въ энтузіасмъ, болѣе чистый и духовный, тогда Орфей, побѣжденный новымъ началомъ, сталъ его служителемъ.

Орфическая мудрость есть нѣчто среднее между мифологическою областью и философіею. Въ образахъ и мифическихъ представленіяхъ, которыми она еще выражается, слышится уже смутное присутствіе возникающаго понятія. Орфическая теогонія переходитъ уже въ космогонію и представляетъ смѣшеніе того и другаго, что можно назвать также смѣшеннымъ именемъ теокосмогоніи. Образы теряютъ свою опредѣленность, тотъ характеръ реальности и естественности, которому удивляемся мы въ греческой мифологіи. Они блѣднѣютъ и превращаются въ символы, часто чудовищные и безобразные. Но въ исторіи философій орфическая теологія не должна оставляться безъ вниманія.

чувствъ; а музыка съ другими искусствами наслажденіемъ, которое доставляетъ, и своею художественностью сближаетъ насъ также съ божественнымъ. Хорошо сказано, что человѣкъ особенно полюбится богамъ, когда благодѣтельствуетъ, но еще лучше сказать: когда блаженствуетъ, то есть радуется, празднуетъ, философствуетъ, предается музыкѣ.»

¹ Упомянувъ о нѣкоторомъ сходствѣ эракійскаго духа съ индійскимъ, мы не можемъ не замѣтить, что самое имя Орфея не безъ основанія можетъ быть сличаемо съ ведическимъ риб'у, риб'ава=арб'ава (arbhava), чему совершенно законно соответствуетъ греческое *Орфевс*; скр. б' (bh)=греческому φ; риб'авы—древнѣйшіе, также мифическіе теологи Индіи, служители дэвовъ, сами имъ равные, первые раздѣлители чаши возліянія.

Орфическіе фрагменты, въ той редакціи, какъ они дошли до насъ, по всему вѣроятію не принадлежать слишкомъ давнему времени. Но всеже, и въ этой редакціи, они отчасти древнѣе физіологій, отчасти параллельны ей. Мы знаемъ объ орфическихъ рapsодіяхъ, которыя носились въ народѣ. Первымъ собирателемъ ихъ былъ, по преданію, современникъ Писистратидовъ, Ономакрить. Указывается еще на пифагорейцевъ, какъ на редакторовъ этой неопредѣленной носившейся орфической мудрости. Такъ называемые орфеотелесты еще во время Платона ходили съ своими книгами, какъ заклинатели, гадатели и очистители.

Къ орфикамъ примыкаютъ такъ называемые смѣшанные есологи (*μεμιγμένοι θεολόγοι*). Изъ нихъ особенно замѣчательны Ферекидъ, бывшій по преданію учителемъ Пифагора, и Эпменидъ Критскій, знаменитый очиститель Аѳинъ, послѣ преступленія Мегакла. Къ нимъ можно присоединить также Акусилая.

Ферекидъ Сирскій, или Сирійскій, уроженецъ острова Сира (*Σύρος*, также *Σύρα*), котораго должно отличать отъ другаго Ферекида, Лерійскаго или Аѳинскаго, первый по преданію писалъ немѣрною рѣчью. Его книга была извѣстна преимущественно подъ именемъ гептоміха, или *седмисклада*. Въ ней излагалась смѣшанная есокосмогонія. Къ сожалѣнію изъ ней дошло до насъ весьма мало, и то больше въ чужихъ пересказахъ ¹.

Взглянемъ теперь на такъ называемыя школы арханческой философіи. Этихъ школъ обыкновенно принимается три: іонійская, пифагорейская, элейская или элеатская. Взаимное отношеніе этихъ школъ между собою въ различныхъ курсахъ исторіи философіи изображается различно. Мы не будемъ пускаться въ спеціальную критику этихъ представленій, но изложимъ прямо самое дѣло такъ, какъ оно намъ представляется, помимо всѣхъ оптическихъ стеснелъ, предлагаемыхъ историками.

Внимательное, не предвзятое изученіе открываетъ, что при всемъ различіи школъ одна общая система лежитъ въ ихъ основѣ. Если для поверхностнаго взгляда кажется, что различныя школы и различные мыслители взаимно другъ другу противорѣчатъ, то въ основѣ напротивъ все удивительно сливается въ общее единство воззрѣній, и гораздо труднѣ вывести дѣйствительное многообразіе изъ этого единства, нежели согласить мнимыя противорѣчія, которыя оказываются на поверхности. Каждый мыслитель былъ нѣтъмъ

¹ Pherecydis fragmenta. Collegit Sturz. Gerae 1787. Ed 3. Lips. 1824.

иннымъ, какъ выразителемъ одного общаго содержанія. Системы и школы служатъ взаимнымъ дополненіемъ другъ другу, и сущность дѣла обнаружится, когда онѣ всѣ заодно будутъ приняты къ свѣдѣнію. Въ томъ-то и заключается первая и главная ошибка историковъ, что, не представляя себѣ существеннаго, внутренняго единства мышленія, какъ вообще въ исторіи философіи, такъ и въ каждомъ цѣльномъ ея періодѣ, они истощаютъ свое остроуміе и глубокомысліе на то, чтобы восполнить и доразвить безсвязные фрагменты, случайно попадающіеся имъ подъ руку, тогда какъ стоитъ только представить всѣ системы и школы, какъ одно цѣлое, онѣ взаимно другъ друга уяснять и восполнять. Въмѣсто того, чтобы выхватывать фрагменты какого либо фізіолога и придумывать, Богъ знаетъ что, для того, чтобы ихъ связать и дать имъ смыслъ, стоитъ только взглянуть однимъ взглядомъ на весь этотъ фрагментарный періодъ, и фрагменты сложатся сами собою для образованія цѣлаго смысла. Такое воззрѣніе не исключаетъ возможности существенныхъ различій между школами и системами. Задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы признать въ нихъ различные моменты одной основной системы.

Прежде нежели начнемъ излагать эту общую основную систему древней греческой философіи, поговоримъ объ ея внѣшней исторіи, объ упомянутыхъ школахъ и главныхъ мыслителяхъ, относящихся къ нимъ.

Обыкновенно исторію греческой философіи начинаютъ съ Фалеса, котораго ставятъ во главу іонійской школы. Этотъ обычай начинать съ Фалеса основанъ на общемъ преданіи самой древности. Онъ былъ родомъ изъ Милета и относится къ числу такъ называемыхъ мудрецовъ. Для насъ замѣчательно то, что первоначальникъ философіи въ Греціи выводится изъ среды этихъ законодателей и строителей новаго, собственно гелленскаго, гражданскаго быта. Первое сѣмя философіи зачалось тамъ, гдѣ зачалась вообще самосознательная автономическая дѣятельность, характеризующая греческій геній. Эти древніе строители общества полагаютъ послѣднюю рѣшительную грань между такъ называемыми доисторическими эпохами и собственно-историческимъ временемъ, къ которому они принадлежатъ безспорно. Но отъ нихъ осталась только память общаго тона сознанія, котораго они были носителями, и мышленіе ихъ находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тою еще безличною народною мудростью, изъ которой неистощимымъ токомъ льются пословицы, и которая сама себя опредѣляетъ такъ:

гласъ народа — гласъ Божій. Все, что ни приписываетъ имъ преданіе, имѣетъ характеръ практическій: не одни предполагаемыя изреченія этихъ мудрецовъ и отрывки ихъ законодательствъ, но и различные рассказы, ходившіе объ нихъ до позднѣйшаго времени. — Такъ, о самомъ Фалесѣ рассказываетъ Аристотель ¹ *κατανοήματι χρηματιστικόν*, за достовѣрность котораго онъ самъ, какъ видно, не ручается, но которое вполне гармонируетъ съ общимъ характеромъ преданія объ этихъ мудрецахъ.

Эти первые начатки автономическаго мышленія, въ которыхъ зараждалась философія, должны быть безпорно относимы къ концу VII или къ началу VI вѣка до Рождества Христова, къ эпохѣ замѣчательной именно въ томъ отношеніи, что съ ней вездѣ начинается ясное историческое время. Въ самой Греціи кромѣ Фалеса около того же времени является Пифагоръ, имѣющій не меньшее право почитаться родоначальникомъ философіи. По нѣкоторымъ, Пифагоръ жилъ нѣсколько прежде Фалеса, но нынѣ почти всѣ согласны, что онъ явился позднѣе Фалеса. Всякій однако согласится, что здѣсь не можетъ быть точныхъ хронологическихъ опредѣленій. Нѣсколько прежде или нѣсколько послѣ — въ это время почти неразличимо. Едва ли могутъ привести къ чему нибудь существенному розысканія о точномъ хронологическомъ отношеніи между Фалесомъ и Пифагоромъ. Правда, преданіе дѣлаетъ Пифагора ученикомъ Фалеса; этого мало, по нѣкоторымъ онъ былъ даже ученикомъ Анаксимандра, который занимаетъ второе мѣсто въ преемствѣ такъ называемой іонійской школы. Но если мы примемъ къ соображенію тотъ особенный характеръ, съ какимъ является Пифагоръ въ преданіи, то невольно подумаемъ, что изъ этихъ сбивчивыхъ показаній выходитъ только какъ отличительная черта Пифагора его любознательность. Самое имя Пифагора ² какъ бы намекаетъ на это свойство его характера. По преданію ³ онъ и философію первый назвалъ философіею, желая выразить, что философія состоитъ не въ данной мудрости, а въ исканіи мудрости, въ стремленіи, любви къ ней. Онъ путешествуетъ по всѣмъ странамъ и учится повсюду: у египетскихъ жрецовъ, у маговъ, у Финикіянъ, у Халдеевъ. Преданіе объ немъ такъ

¹ Polit. Lib. III. Cap. IV, 3.

² *πυθ*—первая часть слова *πυθ-αγορας* есть явлѣ корень глагола *πυθαγόρειον* спрашивать, *испытать*, *исследовать* и т. д.

³ Diog. Laert. I. 12. Quintil. Inst. orat. XII, 1. 19.

настроено, что было бы готово сдѣлать его ученикомъ не только Фалеса, но даже Платона и Аристотеля, если бы только нелѣпость такого сближенія не была слишкомъ разительна.

Очень знаменательно то, что любознательность въ Пифагорѣ соединяется съ другимъ, не менѣе господствующимъ, свойствомъ религіознаго ееологическаго мышленія. Пифагоръ—адептъ мистерій; онъ — блюститель богопоклоненія; онъ — сакрификаторъ, очиститель, заклинатель. Его образъ въ преданіи запечатлѣнъ особеннымъ характеромъ таинственности, и во многомъ онъ является какъ бы новою редакціею Орфея. Онъ — ееологъ по преимуществу, какъ и Орфей. *Τὰ πυθαγορικά* и *τὰ ὀρφικά* не рѣдко почти совпадаютъ. Геродотъ (II, 81) прямо говоритъ о пифагорейскихъ священныхъ оргіяхъ и сближаетъ ихъ съ орфическими. Его вліяніе на окружающихъ, духъ союза, имъ основаннаго, отличаются характеромъ, по преимуществу религіознымъ. Наконецъ онъ — слугитель Аполлона, отождествляется съ нимъ, и читается самъ, какъ Аполлонъ гиперборейскій.¹ Для насъ важны не спеціальныя черты преданія, не рассказы объ его жизни и дѣйствіяхъ. Мы можемъ не вѣрить и не можемъ вѣрить тѣмъ чудесамъ, которыя объ немъ рассказываютъ неопифагористики и неоплатоники. Но нельзя оставить безъ вниманія основной тонъ этихъ рассказовъ. Во всякомъ историческомъ преданіи должно различать его спеціальное содержаніе и его общій тонъ. Дѣло историка извлечь тотъ тонъ, въ которомъ всегда окажется то, что требуется знать: существенный смыслъ, душа забытаго, истина искаженнаго факта. Итакъ, сколь бы ни были странны и невѣроятны рассказы о Пифагорѣ, мы можемъ однако высвободить изъ нихъ общій духъ преданія и видѣть въ немъ духъ того сознанія, которое олицетворилось въ Пифагорѣ. Почему изъ всѣхъ древнихъ мыслителей особенно къ Пифагору относятся всѣ тѣ рассказы, которыми наполнена его біографія у Порфирія и у Ямблиха? Почему все ееологическое, ееургическое и мистическое тяготеетъ въ преданіи къ нему и запечатлѣвается его именемъ? Очевидно потому, что

¹ Аполлоній у Порфирія de vita Pythagorae, p. 7. Kissl. сообщаетъ, что онъ читался также какъ сынъ Аполлона и Пифады, и приводитъ слѣдующіе стихи какого-то поэта:

*Πυθαγόρας δ', ὅν τινατε διὸ φίλον Ἀπόλλωνι
Πυθαῖς, ἣ ἄλλος πλείον ἔχεν Σαρῖων.*

сознаніе, которое въ немъ олицетворяется, даетъ къ тому сплѣнный поводъ.

Выше сказали мы, что Орфей есть не столько лице, сколько начало. То же самое мы можемъ сказать и о Пиеагорѣ, съ тѣмъ однако же ограниченіемъ, что, относя это имя къ известной идѣ, мы можемъ вѣрно представлять подъ нимъ также и известное личное существованіе. И какъ лице, сынъ Мнесарха интересуется насъ. Но блѣдный и смутный интересъ его личности почти исчезаетъ въ его общемъ значеніи.

Пиеагореизмъ есть единственный въ Греціи примѣръ того, какъ доктрина организуетъ особенное общество въ обществѣ и дѣйствуетъ съ характеромъ религіозно-политической силы. Что во всей Греціи кромѣ Пиеагоровой школы можетъ представить нѣчто аналогическое тому, что мы видимъ на Востокѣ въ жреческихъ кастахъ? Жреческія общины обязаны своимъ происхожденіемъ стремленію сохранить единство религіознаго сознанія и недовѣрію къ развитію исторической жизни, которая, казалось, спѣшила къ расторженію всякаго единства. Известенъ тотъ пессимизмъ, которымъ проникнуты языческія ееологіи на Востокѣ, и который находилъ себѣ отголосокъ даже въ Греціи. Вспомнимъ Гесиодовы поколѣнія: не смотря на известную непослѣдовательность, въ которой выразился протестъ гелленскаго духа, не виденъ ли въ нихъ этотъ пессимизмъ, не довѣряющій исторіи, это представленіе перехода отъ лучшаго къ худшему? Но, какъ замѣтили мы выше, въ гелленскомъ религіозномъ сознаніи это представленіе было побѣждено (мы увидимъ, что въ философін оно было упорнѣе) и, лишенное всякой реальной силы, не могло произвести на почвѣ Греціи восточныхъ еократическихъ учреждений. Только въ Пиеагоровой школѣ, замѣтили мы, можно найти нѣчто, имъ подобное. Но мы немедленно должны оговориться, что самое это подобіе до такой степени видоизмѣнено гелленскимъ духомъ, что является чѣмъ-то совершенно оригинальнымъ, хотя и въ этомъ видоизмѣненіи, въ этомъ внутреннемъ пересозданіи было все еще нестерпимо и не могло продолжительно существовать. Этотъ пунктъ очень важенъ, и мы скоро къ нему возвратимся.

Многіе историки, не совсѣмъ несогласно съ свидѣтельствомъ древности, видятъ въ философскихъ школахъ проявленіе главныхъ племенныхъ различій греческаго народа, и мы не можемъ обойти этой стороны дѣла.

Вообще о племенах гелленских доселѣ ходять самыя неопредѣленные и неудовлетворительныя представленія. Вкратцѣ мы должны коснуться ихъ значенія. Эти племена въ сущности не столько племена въ обыкновенномъ значеніи этого слова, то есть, случайнымъ образомъ, посредствомъ одного народженія, при вліяніи различныхъ мѣстныхъ условій, образовавшіяся вѣтви общаго племени, сколько внутренніе моменты развитія гелленской народности. Съ нѣкоторой точки зрѣнія они могутъ быть признаны болѣе за общины, за союзы, нежели за племена, хотя въ послѣдствіи они и приняли болѣе или менѣе характеръ племенъ, въ обыкновенномъ значеніи, какъ родовъ, обусловленныхъ внѣшнимъ образомъ ¹. Каждое изъ нихъ заключало въ себѣ собственный центръ, къ которому тяготѣли всѣ сродныя, всѣ одинаково настроенные элементы. Различіе породы вовсе не чувствовалось между ними. Человѣкъ, родившійся на іонійской почвѣ, могъ быть самымъ истымъ Дорійцемъ, и наоборотъ ². Различіе заключалось въ духѣ, въ основномъ настроеніи сознанія. Іонійское племя, не смотря на общій предрассудокъ, гораздо древнѣе дорійскаго. Оно терлется во глубинѣ до ахейской, пеласгической эпохи; оно имѣетъ болѣе общее значеніе, нежели дорійское племя. Въ немъ является какъ бы общая основа греческой народности, которая существовала въ первобытную эпоху и продолжала существовать съ измѣненнымъ, гелленски опредѣлившимся характеромъ въ историческую эпоху. Какъ богъ этого племени, Посидонъ, господствовалъ прежде Зевса и въ своей громадной, гилозоической силѣ держалъ мѣсто, которое должно было достаться владыкѣ Олимпа, такъ и самое племя іонійское существовало прежде, чѣмъ образовался гелленизмъ, выступившій первоначально въ ахейскомъ племени, преданномъ безо всякой исключительности поклоненію Зевсу. Какъ Посидонъ, по воцареніи Зевса, получилъ олимпійскій характеръ, такъ и іонійское племя, прошедши черезъ среду ахейства, получило гелленскій характеръ. Іонійцамъ болѣе всѣхъ прочихъ племенъ прилично названіе племени; они болѣе прочихъ представляютъ собою народную основу, перерождающуюся въ постепенномъ

¹ У насъ впервые эта мысль высказана была г. Леонтьевымъ; въ сочиненіи «О поклоненіи Зевсу.» См. стр. 203 и др.

² Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на Пивагора, уроженца іонійскаго Самоса, въ которомъ однако видать всѣ большое сродство съ дорійскимъ духомъ; онъ и говорилъ по-дорійски. И наоборотъ Геродотъ, дорійскій уроженецъ, былъ однакоже истымъ Іонійцемъ.